

мистицизма можно судить по уцелевшим отрывкам из сочинений генерала Францискаканского ордена, Иоанна Пармского. Он произносит безусловный приговор над светским государством, над семейством, над собственностью и призывает всех к жизни исключительно созерцательной, дабы скорее свершились земные судьбы человека. Папа должен был положить конец этим прециям, тем более опасным, что они находили сочувствие вне школы, в народных массах, жадно принимавших всякое новое учение, толкуя его сообразно своим понятиям. В начале XIII столетия подавлена была ересь альбигенская. Та же участь постигла немецких пфедингов и разнообразные, но равно враждебные западной церкви секты, возникшие во Фландрии и в Италии. Папство одолело, опираясь на светские власти; но побужденные ереси продолжали существовать втайне, не отказываясь от своих надежд и ждали только удобного случая, дабы восстать со свежей силой. Неужели этому хаотическому, но исполненному бесконечной энергии миру суждено было истощить свои силы в безвыходной борьбе и неразрешимых вопросах? Отдельный человек и целое общество равно пужаются в порядке и законе; для них равно невыносимо беззачалие в области несвязанных никаким единством явлений. Такое единство пытались дать средневековому миру вожди его: император и Папа. Поставленные развитием истории и глубоким сознанием правдивных потребностей своего времени во главе общественного мнения Западной Европы, наместники св. Петра стремились к одной цели с преемниками Карла Великого. Но каждая из этих властей требовала себе первенства и главной роли в задуманном деле. К прежним раздорам присоединился новый, причиной которого была неосуществимая потребность мира и порядка. Ни римским папам, ни германским императорам не суждено было удовлетворить этой потребности, высказавшейся также и в Крестовых походах. Это движение носит двойной характер: с одной стороны, оно было вызвано преобладанием религиозного чувства; с другой – современным состоянием европейского общества. Все тогдашние сосло-

вия с равным жаром устремились в страну, освященную земной жизнью Искушителя, и каждое несло с собой свои надежды. Каждое из них думало осуществить на той священной почве свой политический идеал. Горожане и вилланы уходили от феодального гнета; барона манила возможность создать чистое феодальное государство, не стесняясь обломками исторических учреждений, уцелевших в Европе, идеалом клерика, возложившего на себя знамение крестоносцев, было теократическое государство, не удавленное Григорию VII. Цели эти не были достигнуты. Горько обманутые в своих надеждах, народы Запады перестали думать о завоевании Азии и устремили свою деятельность в другую сторону, на другие предметы. Если бы Европа XIII столетия могла привести к единству одна гениальная личность, то задача была бы скоро решена. В таких личностях не было недостатка. Вспомните о предпоследнем императоре из дома Гогенштауфенов, о Фридрихе II. Эта странная, можно сказать, страдавшая избытком сил, личность не шла себе места в современной ей обстановке. Ни по идеям, ни по взгляду на жизнь Фридрих не принадлежал тому поколению, среди которого жил, и на расстоянии нескольких веков он протягивал руку людям нового времени. Отсюда произошли все его неудачи. Великий законодатель, мыслитель, воин, поэт стоял вне своей эпохи, был в ней представителем только идей отрицательных, враждебных средневековому порядку вещей. Современники ненавидели и любили его страстно, но всем без исключения был он непонятен, всем равно внушал недоверие и страх. Я приведу здесь один многозначительный пример. Последнее войско, которое Фридрих вел в 1250 г. против Рима, состояло большей частью из арабов и других магометанских наемников. Падобно, однако, прибавить, что и римские первосвященники в борьбе с императорами не всегда употребляли средства, дозволенные христианскому пастырю.

Среди этих воинственных и бурных поколений суждено было действовать Людовику IX. Сравнивая с суровыми лицами других деятелей того времени задумчивый и скорбный лик Людовика, мы невольно за-